

Рустем Кутуй

*Анвару Сайфутдинову
и Альберту Галимову*

Пробуждение

Осыпала сосна иголками,
гладила по волосам.
Ещё были какие-то голоса,
Набегающие волнами.

Я переходил ночь
По шаткому мостику
К себе, бывшему, в гости.
Плавали кувшинки, лилии,
Лини плыли.
Подходила лошадь
дыханием бархата.
Чернела пахота...

Крепко спалось
На жёсткой скамье.
Было так тихо.
Часики тикали себе, тикали.
Никто не прикасался ко мне...

Мать, безгласная,
Сияла в небесном окне,
Как в избе полутёмной икона.
Годы кружили,
Словно влажные в травах кони...

Вот и погостил, погостил!
На погосте.

А люди сказали: извалялся в соре.
О-о-о, Господи, прости!
Хорошо-то как на просторе.
Баюкать горе.

Дожди

Дни в серёжках дождя,
и берёзы кора не отбелит.
Сиротеют пригорки.
Корова ткнулась в забор
от одиночества...
Себя пожалеть осталось.

Озеро

Шкатулка озера открыта.
Малахитовая.
Обрыва тень всплывает.
Смертельно стосковалось
Сердце по ласке.
Похоже,
водоросли в нём гнездятся.

Ночлег

Изба темна.
Но там белеет тело,
раскидавшись.
Не надо печки
и не надо света.
Бесполезно
луна сомлела в туче.

Мосты

За нить держусь.
Перетекает.
Ушедшие навеки – возвращаются
незримо.
Мосты не обрываются.
Растут и в темноте.

Находка

Облюбовал себе я жёнушку.
Да вот беда,
она давно не от меня
детей пасёт на травке.

В тумане

Неприкаянная женщина
бродит в тумане.
А я топлю печь и думаю:
вот-вот она отыщет мою калитку,
чтоб разделить со мной роскошь тепла.

Путь

В сущности, есть только путь луча,
путь ручья,
путь птицы...
Незримый след Христа
на плащанице.

Тайное

Самообман меня пьянит.
Во всякий час
я оживаю в его объятьях...
Намедни с Буниным
пил чай
и он грозил мне пальцем острым.
Блаженные минуты!

Стена

Один пейзаж меня преследует.
Он врезан в разум:
...за плакучей берёзой,
за крышами домов ужатых,
за трубами –
стена сияет, возвышаясь,
с земли восходит сумрак,
а не сверху...
стена – приют
последний солнца...
Цепляется мой взгляд
за эту стену.

Поле

В поле растут виденья,
не касаясь земли.
Улетучивается тяжесть.
Ромашки, былинки, узелки паутин...
Здесь можно побыть кем хочешь –
заломить кепочку,
потеребить бородку
и вдруг накрыться панамой.
Хоть ненадолго.
Да, да, ненадолго.

66

Успокоение

Да не гневись!
Не рви, как нитки, нервы!
Ты – не последний,
но и не первый.
Блится высь.
Цветёт жасмина куст.
И пух летит, и перья.

Горькая полынь

Бледнеет ночь полынью.
Узорная ветвь ложится на веки.
Отхлынет и снова прихлынет.
По небу гуляют овечки.
Отлученный, зато не приручен.
Каждое утро в новинку.
Сосенка-девчонка
осталась на круче, –
поникла.

Спасение

Наедине с поэзией я глубоко удовлетворён:
всё рядом – ветка, корень, крылышки и пламень.
Я погружён песчинкой в бег и сон времён,
во тьме свечой задумчиво оплавлен.
От суеты сует стеной надёжно отделён,
от женщины не жду прощанья и прощенья.
В начале дня я был простым растением,
а ближе к ночи – ввысь ветвится клён.

Полдень

Пулю вонзая в пулю,
искал абсолютную точку...
Ласточки чертили в воздухе
бесконечные коромысла.
Полные вёдра глаз расплёскивались.
Стрекоза сушила крылья
на перильцах балкона.
Печаль покидала сердце,
как усталая женщина дом.
Молчал телефон, сомкнув зубы.
Караван лет звякал бубенчиком,
удаляясь в пустыню.

67

Безнадёга

Ничего-то я и не придумал:
по земле мело, из окон дуло.
Непредвиденно смеркалось.
Женщина за долами смеялась.
Шёл тайфун. И горячело дуло.
Волновались земли-океаны.
Капало легонечко из крана...
Я задумал прожитую жизнь,
возводя пролёты, этажи.
Горевал и плакал, слёзы вытирал.
Не везло мне вечером с утра.

Звуки

Как пенка в молоке, я плаваю
и звуки давние улавливаю,
которых нет, но я-то слышу их!
А потому – спокоен, очень тих.

Я даже слишком взят, рукоположен.
Да всякий путь мне горестен и ложен.
Мне некуда идти. Мне негде петь.
И горло оплетает плеть.

Зрение

Как лошадь входит в травы
и превращается в коня –
вы видели глазами ребёнка?

Как мужчина уходит в ночь
и становится бродягой –
вы видели глазами ребёнка?

Как женщина затворяет сердце,
жёстко запахиваясь руками –
вы видели глазами ребёнка?

68

Мастерская

Здесь плоские доски
становятся выпуклыми.
Оживают взгляды.
Хаос преобразуется
в роскошь мусора.
Золотины плывут по реке мрака.
Мефистофель мягко улыбается,
разминая воск свечи.
Прекрасная леди хочет быть шлюхой...
Так перегорает алкоголь.
Синева под глазами дня набухает.
Карлик с карлицей
перехлопываются ладошками.
В Лядском саду
тяжко солнце мозг освещает.
...и вчера, и сегодня, и завтра...
Объедок луны усыхает.
До Раифского монастыря
крылья простёрла заря.
Иконки, холсты.
Постылы посты.
На подоконнике – Модильяни
с б...-лебедами.

Начало июля 1996 года

К сюрреалистическим этюдам Рустема Кутуя

Летом 1996 года мастерская Анвара Сайфутдинова в полузаброшенном доме на улице Шапова напротив Дома актёра стала местом, где самые разные представители казанской богемы – поэты, художники, музыканты, журналисты – находились в постоянном броуновском движении: знакомились, встречались после долгих разлук, мирились после длительных ссор, братались и снова ссорились «навсегда». Тогда уже был расписан потолок БКЗ им. С. Сайдашева, проведено несколько выставок группы «Дастан», строились грандиозные планы. Мы с Анваром собирались в «творческую командировку» в Раифский монастырь, устав от городской духоты и бесконечных тусовок. Я был в отпуске и поэтому располагал огромным количеством неожиданно появившегося свободного времени.

Вот тогда-то мы и познакомились с Рустемом Адельшевичем Кутуем. Вернее, знакомы мы были и раньше, но, что называется, только «шапочно». Так, пересекались иногда на выставках или творческих вечерах... Рустем Адельшевич в очередной своей городской одиссее забрёл в Лядской сад, да и задремал там на скамеечке, где и был обнаружен двумя молодыми художниками, возвращающимися с работы на пленере. Было прочитано невероятное количество стихов, от Пушкина до Бродского, обсуждено множество стилей живописи, в том числе и сюрреализм, а также стоящий в стороне от всех стилей Модильяни. После трёх суток почти непрерывного общения и родился предлагаемый читателю цикл «Сюрреалистические этюды дня и ночи». Через пару недель после нашего возвращения из Раифы Кутуй принёс в дом на Шапова две тоненькие пачки машинописных листочков и торжественно вручил нам с Сайфутдиновым.

Дома этого давно уж нет. Группа «Дастан» распалась и вновь собралась. Некоторые из персонажей, наводнивших тогда старенький дом на Шапова навсегда расстались, а некоторые до сих пор дружат. Даже несколько супружеских пар образовалось... Анвар во время своих бесчисленных переездов с квартиры на квартиру куда-то затерял свой экземпляр рукописи, а я вот недавно свой нашёл на самом дне папки, составляющей некоторое подобие личного архива. Несколько дней тогдашних наших разговоров об искусстве дорогого стоят – вылились вот в целый цикл сюрреалистических стихов.

Альберт Галимов